

... Войну хорошо слышать, да тяжело видеть ...

- Брат, теперь я понимаю, для чего ты решил избежать битвы, но... прости за столь глупый вопрос, а куда мы, собственно говоря, плывём?

- Мы? В Македонию!

- Прости, вероятно, у меня просто проблемы со слухом, но, пожалуйста, не сочти великим трудом повторить свои последние слова, брат.

- Ты всё услышал верно, Маг. Мы действительно плывём в Македонию - в сердце владений Антигона. Ну, а он сам, пожалуй, пускай пока что погниёт в Пелопоннесе, прежде чем сообразит, какой финт я провернул.

- Прости, конечно, что ставлю твои слова под сомнение, брат, но не лучше ли было бы, если бы мы высадились на Коринфском перешейке? Всего лишь одним действием мы бы полностью изменили диспозицию. Укрепившись, мы бы смогли сидеть там столько, сколько потребуется, пока Антигону только и оставалось бы, что бесцельно биться о наши позиции.

- Отчасти, ты прав - предложенный тобой ход действительно имеет место, и он далеко не плох. Собственно, поэтому его и обсуждали на военном совете, но, видишь ли, и у моего плана есть свои положительные стороны. Для начала, мне вообще не нужно сражаться с Антигоном - вне зависимости от результата, эта борьба не принесёт мне ничего, причём абсолютно неважно, где я буду сражаться - в окрестностях Спарты или же в окрестностях Коринфского перешейка, потому что битва нужна ему, а не мне.

Вторгнувшись в Македонию, я окажусь для Антигона вне досягаемости. Чтобы достичь меня, ему придётся пробиться через Фермопилы, а для этого ему придётся воевать с Этолийским союзом, на гористой местности, где все ему будут враждебны. Даже если он преуспеет в этом, в чём я очень сильно сомневаюсь, к тому моменту его силы будут крайне истощены, а Македония будет уже прочно замирена. Разумеется, никаких шансов у него к тому моменту уже не будет, и именно этим мой план столь хорош.

- Почему ты считаешь, что местное население будет сопротивляться Антигону?

- Население Этолии - это, по большей части, воинственные горцы, промышляющие грабежом окрестных земель. У них с давних времён очень "нежная" любовь к македонянам, сопряжённая со жгучим желанием накормить последних сталью и бронзой.

К счастью для нас, их взаимная "любовь" велика настолько, что нет абсолютно никаких шансов на то, что жители Этолии просто так пропустят македонян через Фермопилы, которые они захватили. Уж больно сильно Македония и, в частности, Антигон, насолили союзу, чтобы они так просто забыли о былых обидах.

Тем более, что это им просто невыгодно – Македония является главным их врагом на протяжении уже длительного времени из-за своих имперских амбиций, диктующих необходимость подчинения Этолии.

- Ясно. Пожалуй, это действительно весьма предусмотрительно с твоей стороны – узнать о подобных тонкостях взаимоотношений между Македонией и Этолийским союзом, оказавшихся, на поверку, столь сложными... Вынужден признаться, я сам бы не сумел учесть подобные детали.

- Нет нужды стесняться своего незнания, братец. Тут главный секрет – не упорствовать в своём незнании.

- Тем не менее, я всё ещё не до конца понимаю, почему ты считаешь, что это хорошая идея – фактически отдать Антигону под контроль всю Грецию к югу от Фермопил.

- Может показаться, что этим шагом я делаю Антигону великую уступку, но, поверь, вскоре беспомощные греки сами придут к нам с посольствами, умоляя о заступничестве против насилия со стороны Антигона. Ведь теперь, когда он полностью отрезан от Македонии, своей кормовой базы, ему ничего другого и не останется, кроме как отдавать своим солдатам и наёмникам на разграбление каждый встреченный населённый пункт.

Если он этого не сделает, то он очень быстро лишится своих наёмников, а после и солдат, потому что без денег вести войну он не сможет. По крайней мере, если и сможет, то не дольше 1-2 недель, пока наёмники не потребуют платы за свои услуги, в ответ на что Антигону останется только размахнуть руками и отпустить их по миру.

- Хм... я так понимаю, ты хочешь заставить его кормиться с земли под ногами?

- Именно так, братец. Если быть точнее, то я не хочу его заставить – я уже его заставил. Видишь ли, для него это уже путь в один конец. Как только я столь значительно увеличил дистанцию между нами, заперев его при этом на очень узкой части суши, я сделал для него победу невозможной.

- Разве?

- Да, без сомнения. У него нет выбора – если он не отдаёт на разграбление своим солдатам Грецию, то его армия рассыплется сама по себе в течение следующих пары недель, максимум нескольких недель. Если отдаст -- он навсегда потеряет Грецию, ведь она не смирится с подобным. Напротив, она очень быстро ополчится против него, после чего его судьба будет предрешена – находясь на враждебной территории, его армия точно также рассыплется.

Как ни странно, это тоже не займёт много времени – его армия продержится от силы 2-3 месяца, если останется куковать в Греции. Если же попытается прорваться к Фермопилам – он сложит свою голову в Этолии, а если не сложит в Этолии, то сложит в Фессалии, где у меня

уже будут прочные позиции.

- Должен признать, теперь я понимаю, почему твоя стратегия действительно отлична. Хотя, честно говоря, я больше удивлён тому, сколь много возможностей тебе открылось за счёт одного лишь доминирования на море, а также тому, сколь прекрасны они...

- Такова мощь флота, братец. Всегда помни об этом.

- Пожалуй.

...

- Десант... ну, хоть не Корусант, - итак, снова приветствую вас, господа потомки. Надеюсь, приведённый выше диалог между мной и Магом, моим младшим братом, воспроизведённый по памяти, смог пояснить вам, зачем, куда и почему я свалил из Пелопоннеса.

Чего этот диалог не объяснил, так это того, какие опасности ожидали меня в Македонии. Собственно, а они не были эфемерны. Как только я прибыл в Македонию, последняя, как ни странно, не отложила моментально от власти Антигона. Напротив, мне пришлось разбить отряд наместника, которого здесь оставил Антигон для присмотра за царством в его отсутствие, а после - осадить и штурмом взять ряд крепостей в окрестностях.

Впрочем, если вы думаете, что на этом всё сопротивление кончилось, а вместе с ним - и мои проблемы, то вы очень сильно ошибаетесь. Напротив, мои проблемы только начинались. Во-первых, стоило только Македонии отложиться в мою пользу, как этим тут же воспользовались все окружающие её противники. Во-вторых, это не означало примирения Македонии - мне всё ещё предстояло замирать крупные населённые пункты, где до сих пор мой авторитет ставился под сомнение.

Кроме того, необходимо было вернуть Фессалию и восстановить контроль над доступом к Фермопилам с македонской стороны, а также укрепить его, чтобы не допустить развития того сценария, где Антигону всё же удаётся пробиться к Фермопилам.

Хотя, конечно же, для начала стоило бы разбить надвигающуюся армию иллирийцев. К слову, ещё одно изменение в истории - дарданцы вторглись немного раньше. Не так критично, учитывая то, что теперь мне, так или иначе, пришлось бы защищать Македонию от всех её беспокойных соседей, и, в некотором смысле, это даже хорошо, что всё произошло на год раньше. Тем более, что для меня конкретно это хороший способ утвердить свою власть в Македонии - ведь если у них есть я, верный защитник Македонии, то зачем им Антигон, верно?

Впрочем, это не меняло того, что мне предстояло каким-то совершенно чудесным образом победить большую армию дарданского царя, Лонгара. Последний, к слову, располагал 20 000 пехотинцев и 400 конницы.

Как ни странно, сражение, тем не менее, обещало быть весьма тяжёлым, так как я к текущему моменту располагал, ведь 2 000 фалангитов мне пришлось оставить в качестве гарнизонов, чтобы удерживать Македонию в ежовых рукавицах.

Кроме того, мне также пришлось отправить 3 000 спартанских гоплитов на восток, к границе с Фракией, чтобы парировать потенциальное вторжение. Ну, или хотя бы задержать его, пока я расправляюсь с Лонгаром. Естественно, мне также пришлось отправить в Фессалию 1 000 фалангитов и 300 человек конницы, чтобы добиться её подчинения и, соответственно, дополнительного контроля над Фермопилами.

Таким образом, к текущему моменту я располагал лишь 26 000 пехотинцев и 3 700 конницы. Печально, действительно, но не критично. В любом случае, мне снова необходимо было сделать ставку на молниеносное продвижение – собственно, именно этим я и занялся.

Выделив большую часть конницы в авангард (3 500 конницы), я встал в его главе, оставив управление остальным войском на наёмника, Фоксиды, отличавшегося мастерством пехотных манёвров. Далее, как ни странно, я направился к позиции, где находился, по последним данным, Лонгар.

Полагаясь на то, что последний был осведомлён о моём появлении и теперь, как ни странно, сматывал удочки, узнав о приближении численно превосходящей его силы армии, я совершил марш-бросок со своим отрядом, надеясь застигнуть его арьергард врасплох.

В принципе, противника я настигнул, но не сразу понял, что это не арьергард Лонгара, а его авангард, оторвавшийся от остальной массы сил для разведки пути. В любом случае, не останавливаясь, я, находясь на самом острие атаки во главе своего "рыцарского" отряда, буквально врезался в авангард Лонгара, состоявший из кавалерии и лёгкой пехоты.

Конечно же, напав на силы Лонгара, я полагался на превосходящую численность своих сил, а также то обстоятельство, что это арьергард врага, и ему потребуется время, чтобы развернуть свои порядки и ударить по моим силам.

Тем не менее, в действительности вражеский "аррьергард" был не столь малочисленным – по своей численности он был вполне сравнимым с моим отрядом. Кроме того, это был не арьергард, как я предполагал ранее, а авангард, так как он шёл в направлении моих сил. Тем не менее, своих планов я не изменил – напротив, теперь я с ещё большей уверенностью напал на врага, чтобы не вызвать паники в своём стане.

Что решило исход битвы, так это шок, произведённый атакой моей тяжёлой кавалерии по порядкам лёгкой пехоты и значительно более слабой в численности и качестве кавалерии. Враг совершенно не ожидал от меня чего-то подобного, а потому мне без труда удалось произвести в рядах противника хаос, последовавший за шоком и удивлением при виде моей кавалерии. Как оказалось, моя тяжёлая кавалерия, выступавшая в авангарде наступления авангарда, скажем так, привела вражеский авангард в серьёзное замешательство своим внешним видом.

Для них, как оказалось, было крайне непривычно видеть закованных в сталь танков. Собственно, это также сыграло мне на руку, ведь я без особого труда разбил вражеский авангард. Обратив в бегство вражеский авангард, я, поверив в свой успех, решил преследовать его, хотя стратегия диктовала мне необходимость возвратиться к основным силам, ведь я достиг первоначальной задачи и даже больше, что делало дальнейшее преследование бессмысленным риском.

К счастью, это оказалось отличной идеей. Лонгар, в действительности, не ожидал, что я прибуду так скоро - в принципе, его расчёты были верны, но они не предполагали того, что я оставлю основную часть войска и отправлюсь к его авангарду в составе собственного авангарда.

Так что, как ни странно, он и его войско оказались в полнейшем замешательстве, когда в них врезался собственный же авангард, панически бежавший от моего авангарда. Тут же, как только авангард Лонгара буквально врезался в его войско, не обращая внимания ни на какие призывы и приказы, его первые две линии смешались.

Ну, а я, разумеется, этим тут же воспользовался. Врезавшись в его смешавшиеся порядки, я вызвал в войске Лонгара полный хаос. Как ни странно, этого оказалось более чем достаточно, чтобы обратить в бегство, на этот раз, уже целое войско. Застигнутый врасплох, Лонгар оказался совершенно неподготовлен к парированию моей атаки, вследствие чего, несмотря на многократное превосходство в числе, его войско не смогло оказать мне достойного сопротивления.

Его войско, над которым он к тому моменту уже потерял какой-либо контроль, вскоре дрогнуло и покатило назад. Начавшаяся давка, как ни странно, погубила гораздо больше солдат врага, чем весь мой отряд. К тому моменту всё уже было кончено - враг панически бежал, а начавшаяся во время бегства давка привела к тому, что добрая 1/4 всего войска Лонгара, включая самого Лонгара и его сыновей, находившихся в передних рядах войска в момент столкновения, полегла там же.

В ходе преследования же удалось уничтожить ещё 1/4 войска, прежде чем наступила ночь и моему авангарду, во главе которого я стоял, пришлось отказаться от дальнейшего преследования. В тот день я, к счастью, не первый раз сражался и убивал, и, тем не менее, картина кровавой бойни, устроенной мной, надолго врезалась в мою память. Настолько крепко врезалась, что до сего момента всплывает в моих кошмарах...

<http://tl.rulate.ru/book/77109/2344466>